

В ДОМЕ УЧЕНЫХ

А ВЫ ГОТОВЫ К ЭКСПЕРИМЕНТУ?

Елена ТРУСОВА, фото Елены ПЕГОВОЙ

МОСКОВСКИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР «ВРЕМЕНА ГОДА» ВЫСТУПАЕТ НА СЦЕНЕ ДОМА УЧЕНЫХ ЕЖЕГОДНО. И ВСЯКИЙ РАЗ СОБИРАЕТ ПОЛНЫЙ ЗАЛ, ПРИЧЕМ ПУБЛИКА ПРИХОДИТ САМОГО РАЗНОГО ВОЗРАСТА.

В марте коллектив отметил юбилей – 20 лет. Позади этап становления, поиска своего лица, почерка, и вот она – творческая молодость! Самое время ставить амбициозные цели, шагать без привалов по выбранному пути, влюбляться, разочаровываться и снова очаровываться. И со сцены Дома ученых ветер в лицо: романтика, наивность, нежность...

Но как непрост этот путь! Как извилист и порой рискован! Вот об этом, сокровенном, мы и говорили с идеологом оркестра, его наставником Владиславом Булаховым.

– Владислав Игоревич, публике всегда любопытно заглянуть за кулисы, понять, чем живут и дышат актеры, музыканты, литераторы. К примеру, театры – это сообщающиеся сосуды: всегда все знают, кто и где что поставил, какие звезды рождаются в провинции, какая труппа блистает. Вы, руководители оркестров, музыканты, тоже как сообщающиеся сосуды?

– Вряд ли... Музыкальные театры – да, они постоянно в общении друг с другом (именно потому, что они – часть театрального мира), а мы, оркестры, более погружены в себя, разобщены. Это довольно болезненная тема для нас. Если театральные режиссеры, мэтры, не считают зорным смотреть коллег, быть в курсе, что и где происходит, выезжать на фестивали именно для тесного общения, то мэтры в музыке ревниво относятся к тому, что делают, и не особенно вникают в жизнь коллег.

Причем это относится не только к России, но и к мировой музыкальной жизни в целом. Просто, на мой взгляд, у нас эта разобщенность более заметна. Конечно, мы обделяем и себя, и публику, но у меня нет рецепта, как преодолеть эту разобщенность.

Особенно эта проблема касается современного искусства. Если современная живопись, фотография, инсталляции так или иначе становятся достоянием общности, то современная музыка остается за кадром, где-то в стороне. Попробуйте вспомнить кого-либо из современных композиторов?

– О! С ходу – Никиту Кожевникову и... Ну почти все.

– Заметьте, что вы назвали имена старшего поколения наших композиторов. А молодых? Тех, кому еще и тридцати нет?

– Пас!

– Вот это наша общая беда! Это беда нашего информационного поля. Мы, оркестр «Времена года», стараемся этой беде избежать. Я всегда напоминаю молодым музыкантам, что Бах писал для современников, Моцарт – для современников, и вся плеяда классиков писала современную музыку. Партию буквально выхватывали из рук композиторов. Что же случилось с нами? Отчего мы так нелюбопытны? И мы ищем произведения именно молодых авторов, мы играем современную классическую музыку. Но сталкиваемся с проблемой настороженного отношения публики. На Чайковского, Шопена или Стравинского люди идут

охотно, но стоит сделать программу современных произведений – и публика отрицательно качает головой.

– Думаю, что мы все находимся в плену определенных стереотипов. Это дилемма, которую каждый творческий коллектив решает самостоятельно: идти навстречу вкусам зрителя, читателя, слушателя или воспитывать этот вкус, поднимая на следующую ступень.

– Да, это вечная дилемма. Но и композиторы, мне кажется, тоже «постарались», разрабатывая свои концепции. Они сделали все, чтобы современную аудиторию оттолкнуть, представляя какофонию, эпатажируя, заявляя, что «мы пишем для Творца, а не для публики». Однако я оптимист и знаю, что современная российская композиторская школа жива. Не процветает, конечно, но живет и дышит. Каждый год из стен консерваторий выходят талантливые авторы, которые в перспективе могут стать классиками. Но широкая аудитория их не знает. Зато знают в мире кино и рекламы, где нужны фоны или что-либо еще.

– С другой стороны, композиторам сложно пробиться именно к оркестрам. Рисковать репертуаром никто не хочет...

– Это тоже болезненный вопрос. Оркестр тратит драгоценное время, силы, а программа может прозвучать от силы раз другой при полупустом зале. Но как иначе определить уровень композитора, востребованности современной музыки? Мы рискуем. Ошибаемся, но снова рискуем. И, кстати, мы сюда, в Саров, еще не привозили ни одной программы современной музыки. А нам этого хочется.

Пессимизм проникает и в среду оркестрантов. Порой сопротивляются не дирижеры, руководи-

тели, а сами музыканты: зачем нам Шеддин, зачем эти сложности, если публика эту музыку не любит? Рождается превратное представление, что современная музыка никому не нужна. Мы беремся за все, что интересно, мы играем произведения Насти Дружининой, Дмитрия Холопова... Вы знаете, какие замечательные девочки-композиторы живут и работают сейчас в России! Мне кажется, что сейчас тон задают именно женщины. Как в литературе, как в изобразительном искусстве.

– Любопытное мнение...

– Это не мнение, это объективная реальность. А чтобы вы с нами согласились, мы готовы пойти на риск и привезти программу современной музыки в Саров.

– У меня по итогам ваших выступлений на сцене Дома ученых сложилось впечатление, что «Времена года» – это своеобразная бесконечная лабораторная работа: каждый год в оркестре новые лица, каждый год вы вовлекаете на свою орбиту молодых и даже совсем юных музыкантов...

– Ну, думаю, что эта лабораторная работа идет во всех небольших оркестрах. Как только молодой музыкант набирается опыта, он уходит в прославленный крупный оркестр на зарплату в четыре раза выше. Москва забирает лучших ребят из провинции, а в самой Москве крупные коллективы забирают лучших из

маленьких. Что ж, такова жизнь. И я ничего не могу сделать, а только позавидовать тем дирижерам, для которых я, по сути, готовлю оркестрантов. Кропотливый труд, неблагодарный и – очень необходимый. Хотя бы потому, что наша современная образовательная система заточена (простите за жаргонное словечко) на воспитание солистов. А солистов – от силы двое-трое из каждого выпуска, ибо это продукт штучный. Зато много несолистов, не привычных к работе в оркестре, в коллективе. Это тоже одна из проблем наших музыкальных будней.

– Многие гости Дома ученых, музыканты, занимающиеся преподаванием, говорят о том, что поток желающих связать свою жизнь с музыкой стал меньше и тоньше...

– Да, это так в силу объективных и субъективных причин. Некоторые факультеты серьезно рассуждают о том, что рискуют исчезнуть, если отношение к культуре в России, к классической музыке, оркестрам и преподаванию не изменится. Вы не представляете себе, как сложно добыть в оркестр виолончелиста! Если ребята выбирают струнный инструмент, то, как правило, скрипку или гитару. А виолончель – громоздкая, сложная, совсем не солирующая. Хотя какие замечательные музыканты состоялись и прославились благодаря виолончели! Иными словами, музыкальное образование

требует серьезного реформирования, но слово «реформа» я даже боюсь произносить, потому что реформа в России, как показывает практика последних десятилетий, наносит удар по той сфере, где ее проводят. Становится еще сложнее, еще мучительнее.

Мы почему-то стали отказываться от традиций, от старых педагогов, их опыта, их практики. Да и от самих людей стали отказываться. Горько об этом говорить, но у многих прекрасных педагогов и музыкантов, еще лет двадцать назад составлявших блистательную плеяду российской музыки, нищенские пенсии, прозябание, забвение. И это отношение надо в корне менять. Но и тут, боюсь, мы с вами упрямее в слова «реформирование», «оптимизация», «эффективное расходование средств»... Какой-то грустный разговор у нас с вами получается, не находите?

– Лично я благодарна вам, Владислав Игоревич, за вашу искренность, открытость, желание обсудить то, что обычно стараются оставить вне поля зрения широкой публики. Думаю, что и читатели нас поддержат.

– Прекрасным откликом на наш разговор будет, если зрители придут на нашу программу современных произведений, откроют для себя новые имена, новые направления. Получился бы искренний и открытый диалог с залом. Я надеюсь, что ваши зрители откликнутся на наш призыв.